

Л.Н. Жукова

DOI: 10.25693/SVG.V.2021.37.4.004

УДК 7.031.3(571.56)

**Лосинная тема и культ личинок в монументальном и
мобильном искусстве аборигенов Якутии (к постановке вопроса)***

Научная новизна. В статье рассматриваются древнейшие представления народов Сибири, в том числе лесных юкагиров, на Землю и Небо в связи с зооморфными анимистическими воззрениями.

*Автор выражает благодарность д.б.н. Г.Г. Боескову за консультирование по вопросу распространенности подкожного и носоглоточного оводов на копытных животных в северной Евразии.

© Жукова Л.Н., 2021

Цель и задачи. Предполагается преемственность от позднего палеолита к современности культового отношения коренных народов Севера к основному промысловому копытному животному. В качестве гипотезы предлагается рассмотреть культ лося/оленья на материалах наскальных рисунков Якутии, традиционной культуры юкагиров и других коренных народов Севера. Задачей исследования является выявление гипотетической семантической цепочки понятий, где культ копытных исторически сопряжен с культом личинки-червя, выявленным у народов Северной Евразии, японцев, корейцев, китайцев.

Методы исследования. Исследование опирается на значительный блок изображений копытных животных в наскальном монументальном творчестве аборигенов центральной и южной Якутии и в современном обрядовом мобильном искусстве верхнеколымских юкагиров (или лесных, самоназвание *о́дул*). Анализ и реконструкции, сравнительно-исторический метод показали последовательную стадийность трансформаций рассматриваемого раннеязыческого культа. Ретроспекции в палеоэтнографию местных племен в тесной связи с исследованиями биологов и энтомологов позволили высказаться относительно предполагаемого ареального источника распространения гипотетической рассматриваемой мифопоэтической цепочки в культурной памяти одулов.

Результаты. В историческом прошлом копытные лось/оленья обеспечивали охотничьи коллективы всем необходимым, что способствовало сложению раннеязыческого образа Мать-Зверь. Зооморфизм мифопоэтической матери-прародительницы распространялся на космические силы – Землю и Небо. Предполагается, что ранее в космогонии лесных юкагиров верхней Колымы существовал мифопоэтический образ Земли/Неба как Матери-Зверя–лося/оленья, а исходящий из отверстий в шкуре благодатный «поток» личинок был наивно-рационалистическим объяснением происхождения человека. Опираясь на исследования ученых о том, что промысловый культ имел тесные связи с представлениями о зооморфном облике ранних языческих божеств, выступавших с функциями протодемиургов, предположителен источник древних натурфилософских знаний о происхождении человека у охотничьих племен северо-востока Азии в связи с личинками оводов, паразитировавшими на промысловых копытных.

Ключевые слова: Сибирь, Якутия, культ лося, личинка, антропогенез

I. Введение. Наскальное искусство Якутии насчитывает многие тысячи лет, самые ранние рисунки охрой датируются позднепалеолитическим временем и хронологически соответствуют дюктайской археологической культуре (35/25–10,5 тыс. кал. л. н.). Яркий образный мир представлен на писаницах неолита (6900–3000 кал. л. н.), завершающую стадию которого исследователи рассматривают как время становления раннеюкагирской культуры. Потомками носителей поздненеолитической ымыяхтахской культуры (5000–3000 кал. л. н.) являются лесные юкагиры верхней Колымы (самоназвание *о́дул*), в настоящее время компактно проживающие в многонациональном селе Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Эта малочисленная группа коренного народа (в 2010 г. в селе проживало 177 юкагиров) сохраняет сложившийся в древности присваивающий охотничье-рыболовный тип хозяйства, единственное домашнее животное, как и в прошлом, собака. Традиционно основу охотпромысла мужской части населения составляет *толоу* «лось» (также «дикий олень»), добыча его

сопряжена с холодным временем года, однако не исключен отстрел в течение всего годового промыслового цикла. Табуированные названия – *чомолбэн* «как будто большой», *чуул* «мясо», *чомон чуул* «большое мясо», *пиэдьэ* «маленькая гора».

Несмотря на многие иноэтнические влияния и использование современных технических новаций (снегоходы, ружья, палатки, снаряжение и проч.), зимняя охота с собакой на лося и пушного зверя, наряду с рыболовством в теплое время года, составляют экономическую основу хозяйства одула. Лось в нем занимает особенное место. В прошлом прекращение охоты на животное и неудача в других видах промыслов означали бы голодовку, поэтому добыча и все, что связано с лосем, сопровождалось многими обрядами, запретами и оберегами. Культовое отношение к *толоу* закреплено в религиозных воззрениях, мифологии, фольклоре, первостепенная значимость в экономической жизни и мировоззрении указывают на хронологическую глубину и давность охотничьей традиции [Жукова, 2008; Иохельсон, 2005а, б; Спиридонов, 1996; Туголуков, 1979; Юкагиры, 1975]. Иссле-

Период или на рубеже эпох	Характерные изображения культуры Якутии	ПЕТРОГЛИФЫ	ХАРАКТЕРНЫЕ ИЗВЕЛИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЯКУТИИ
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК 2-4-6 в. н. э. Усть-Майская культура			
БРОНЗА 2,5-5 в. н. э. Усть-Майская культура			
ПОСЛЕДНИЙ НЕОЛИТ 6-13 в. н. э. Ямунгаская культура			
СРЕДНИЙ НЕОЛИТ 5,5-4 в. н. э. Беломыска культура			
РАННИЙ НЕОЛИТ 6,5-5 в. н. э. Самарская культура			
ГОЛОЦЕНОВЫЙ ПАЛЕОЛИТ 6,5-4,5 в. н. э. Самарская культура			
ПАЛЕОЛИТ 10-15 в. н. э. Ямунгаская культура			

Рис. 1. Сводная таблица археологических культур Якутии [Кочмар, 1994]

дования показывают, что монументальные формы изобразительного искусства у одулов в конце XIX – начале XXI вв. отсутствуют, лосиная тема продолжает функционирование в пластике малых форм. Невыразителен и мало изучен в культурной памяти одулов культ личинки.

В качестве гипотезы предлагается рассмотреть культ копытных животных от верхнего палеолита к исторической современности на материалах первобытного искусства, традиционной культуры юкагиров и других коренных народов Севера. Предполагается также, что культ копытных биологически естественно сопряжен с культом личинки-червя, ранее выявленным исследователями у народов Северной Евразии, японцев, корейцев, китайцев [Алкин, 2003]. Древняя природная цепочка *лось/олень* – *многочисленные личинки овода* в процессе осмысления причинно-следственных связей экстраполирована мифопоэтическим сознанием на происхождение человека.

II. Материалы и методы. Крупные исследования наскального искусства Якутии впервые предприняты во второй половине XX в. [Кочмар, 1994; Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1976; Окладников, Мазин, 1979]. Н.Н. Кочмар сделал выборку основных сюжетов, характерных для писаниц конца плейстоцена, не-

олита и эпохи раннего металла (3900 кал. л. н. – V в. н. э.), которая позволяет сделать заключение, что на протяжении довольно длительного периода доминантной в наскальном творчестве являлась тема крупных копытных животных (рис. 1).

Для иллюстрирования предполагаемых многотысячелетних пролонгаций во времени мировоззренческих установок носителей аборигенных культур в отношении промысловых копытных приводятся примеры из этнографии, мифологии, охотничьей магии североазиатских народов. Разнообразные данные, характеризующие промысловый культ лося у одулов, собраны автором во время полевых работ в с. Нелемное (1986–2007 гг.) и обобщены в ряде статей [Жукова, 2008; Жукова, 2019], двух разделах «Общие доминантные темы в наскальном искусстве древней Якутии и мифологической модели мира юкагиров» и «Лось и дикий северный олень в картине мира по данным мифов и сказок» монографического исследования [Жукова, 2012]. Поиски почти выветренного в традиционной культуре верхнеколымских юкагиров образа древней матери-прародительницы в контексте *кэлидьэ* «червя-личинки» и растительной символики нашли отражение в статьях и разделах монографии [Там же, глава 2; Жукова, 2017; Жукова, 2019]. С опорой на опубликованные источники и с привлечением новых данных написана предлагаемая статья. Ранее исследования в отношении выявления биологической связи копытное животное – личинка-червь для определения глубины мифопоэтических корней юкагирской культуры не предпринимались. Работа опирается на сравнительно-исторический, ретроспективный методы, обосновываются аналитика и реконструкции раннеязыческих воззрений.

III. Результаты. После смены плейстоценовой фауны (мамонт, бизон) на голоценовую основным промысловым копытным животным лесотаяжной зоны становится лось (большой олень)/олень, мифопоэтический образ которого, полагаем, мог наследовать основные натурфилософские идеи, сложившиеся в предшествующую историческую эпоху у охотничьего населения. Со ссылкой на работу Н.К. Верещагина «Геологическая история лося и его освоение первобытным человеком» (1967) Н.Н. Кочмар пишет, что в раннем голоцене лось стал основой существования неолитических племен на

огромном пространстве таежной зоны Евразии. Его изображения стали обычными сюжетами писаниц Северной Европы, Урала, Средней, Южной Сибири и таежной зоны Северо-Восточной Азии [Кочмар, 1994: 136]. Н.Н. Кочмар составил сводную таблицу наиболее типичных зооморфных изображений, где показано, что лосиная тема доминирует в наскальном искусстве Якутии от раннего неолита до бронзового века включительно. На рис. 1 отсутствуют изображения раннеголоценовой сумнагинской археологической культуры (10700 – 6800 кал. л. н.), на наш взгляд, при условии обнаружения они представляли бы переходную к неолиту изобразительную стадию с той же символикой.

Промысловые копытные обеспечивали людей почти всем необходимым: мясом питались, из шкур изготавливали одежду, предметы быта, покрышки жилищ, из костей, рогов – орудия труда. Неудивительно, что животное стало «матерью» охотничьего коллектива, источником языческого мифопоэтического образа Мать-Зверь. Русский фольклор демонстрирует схожие воззрения, бытовавшие в прошлом у восточных славян в отношении медведя. В сказке зверь, лишившись одной лапы, взирает на женщину в избушке: «...одна баба не спит, на моей коже сидит, мою шерстку прядет, мое мясо варит, мою кожу сушит» [Народные русские..., 1983: 46]. Охотничьи народы Сибири мифологизацией лося/олени объясняли строение Вселенной и процессы космогенеза, магию плодородия. Лось выступал в качестве зооморфного символа трехуровневой Вселенной, маркером Верхней, Средней и Нижней Земли. «Этнография Сибири вместе с археологией свидетельствуют о глубокой древности представлений космического и космогонического характера, в которых образу лося – «живой Вселенной» – принадлежит основополагающая, центральная роль, по крайней мере, на протяжении 6–8 тысяч лет» [Окладников, Мазин, 1979: 82].

Согласно нганасанской мифологии, весной к Оленихе – Земле-матери, огромной важнке, подошла Солнце-мать, побежала вода, из шкуры мифической важнки «вылезли голые черви. Это и были люди» [Симченко, 1976: 269]. У абригенов Севера отчетливо выступает тенденция «распространять представления о материнском начале на все объекты, в какой-либо степени

связанные с жизнью людей. Так наивно-рационалистический подход к объяснению природы вещей привел к созданию образа Земли-животного» [Там же: 265]. В цикле мифов о первоустройстве мира Земля-мать – прародительница людей – мыслилась гигантским существом, Матерью-оленихой/лосихой, на теле которой животные живут, словно насекомые в шкуре зверя.

В пантеоне эвенков-орочонов, кочевавших в конце XIX – начале XX вв. в юго-восточной Якутии и за ее пределами, высшее благодатное божество первоначально представлялось в образе дикого зверя – лося или оленя, и лишь с развитием шаманских представлений приобрело черты антропоморфизма. Немаловажна связь *Энекан Буга* «Бабушка Лось» – хозяйки тайги, зверей и рода человеческого – со скалами, имеющими рисунки, где лосиная тема присутствовала издавна [Мазин, 1984: 23]. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков показывает, что слово *буга* многозначно и объединяет следующие номинации: местность, страна, небо, земля, вселенная, бог; эвенки божество *Буга* представляют зооморфно в виде огромной лосихи или самки дикого оленя [Ушницкая, 2021: 110]. Впоследствии гендерные признаки божества были расширены, так, цитируя Г.И. Варламову, Н.Ю. Ушницкая пишет, что стали употребляться такие словосочетания, как *Эни-Буга* – мать *Буга*, *Ами-Буга* – отец *Буга*. *Буга* как родитель может одаривать человека, кормить, но имеет изменчивую природу, в случае несоблюдения правил поведения может забрать охотничье счастье, приплод домашних оленей [Там же: 111–112].

В эпоху неолита лось, «живая Вселенная», по А.П. Окладникову и А.И. Мазину, являлся главным сюжетом писаниц от Северной Европы до таежной зоны Северо-Восточной Азии. Его изображения в раннем и среднем неолите центральной и южной Якутии перспективно рассматривать как наследованные от позднепалеолитического охотничьего культа копытных (рис. 2а, б). Археологи и палеонтологи отмечают преобладание костей лося среди других костных материалов на стоянках неолитического человека. Так, на стоянке Белькачи (р. Алдан) 92,5% от общего количества определяемых костей принадлежало лосю [Боескоров, 2003]. В этот период фигуры животного на писаницах приобрели

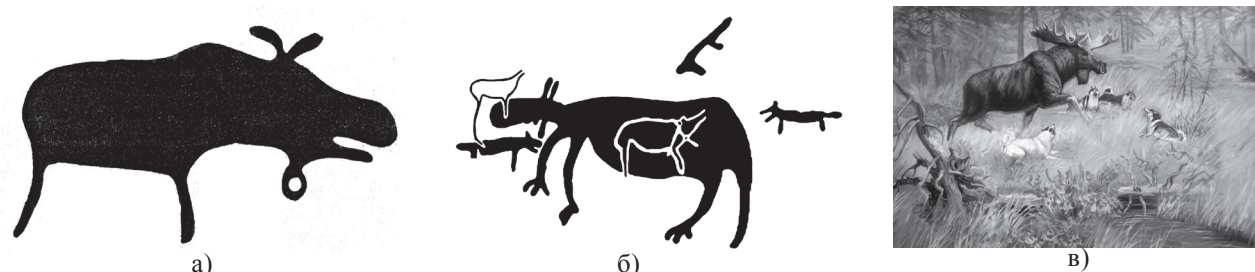

Рис. 2. Изображения лосей в искусстве древней и современной Якутии: а) лосиха с кольцом-эмбрионом в подбородочной части [Окладников, Мазин, 1979]; б) сцена охоты на трехпалую лосиху с собаками [Окладников, Запорожская, 1972]; в) худ. И.И. Корякин. Охота на сохатого. Холст, масло. 2009 г.

прорисовку частей тела и детализацию, динамику движений. Острые и напряженные моменты охоты питали творчество как древних (рис. 2б), так и современных художников Якутии (рис. 2в).

Следующий этап лосиной темы в петроглифах центральной Якутии связан с дальнейшим развитием у населения позднего неолита языческих религиозно-мифологических воззрений, формированием раннешаманских практик, утверждением новых натурфилософских взглядов [Жукова, 2012]. В позднем неолите – бронзовом веке (5000 – 1000 кал. л. н.) лось введен в сложные графические композиции космогонического содержания (рис. 3а, б). Под сложносоставными лучистыми дугами – знаками Неба и каплями «небесной благодати» на писанице Суруктах-Хая (Средняя Лена) помещены фигуры лосей, имеющих смысловые связи с солярным культом и мифологическим образом Земли-Матери-лосихи [Окладников, Запорожская, 1972: 128–129; Жукова, 2012: 69]. Известно, что поздне-неолитическую ымыяхтахскую культуру исследователи соотносят с раннеюкагирской, вошедшей в себя как автохтонные, так и привнесенные элементы. Многие знаковые символы

неолитического наскального творчества находят убедительное продолжение в декоративно-прикладном искусстве и мифологии лесных юкагиров конца XIX – конца XX вв. Показателями наследования графических традиций прошлых эпох являются, например, характерные знаки солярного культа – лучистые нашивки на вороте распашной одежды одулов. Вероятно, в прошлом в космогонии лесных юкагиров существовала мифопоэтическая Матерь-Зверь в образе лосихи; образ прародительницы Матери-лосихи прослеживается в фольклоре [Иохельсон, 2005а, № 23; Жукова, 2012: 45–51].

Введение лосей/олений в космогонические графемы объясняется особой значимостью животного в структурировании мифопоэтической Вселенной и ее отдельных элементов. Примечательно запечатленное на рис. 3а-б ниспослание небом/солярным божеством капель/брызг «благодатного дождя» (возможно, л. юк. *пугэжэ-жэйм* «разбрызгать», от *пугэсь* «тепло» [Николаева, Шалугин, 2002: 63]), это один из распространенных знаковых элементов наскального искусства Якутии. Рисунки позднего неолита и бронзового века иллюстрируют принципиальные изменения в мировоззренческих взглядах

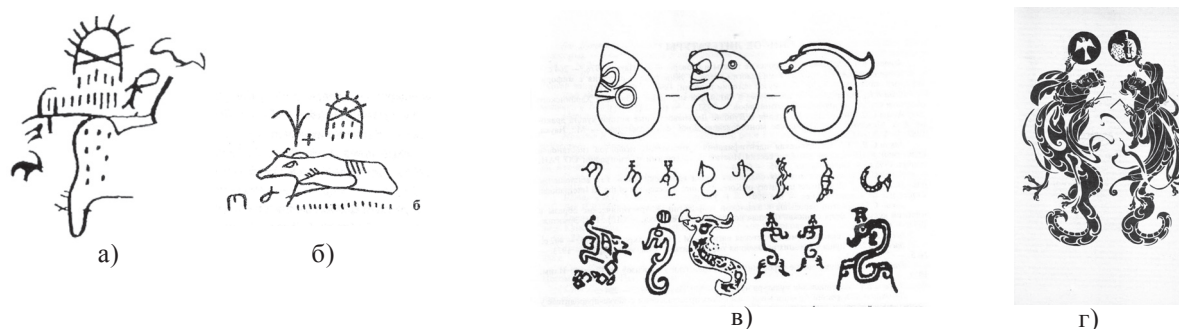

Рис. 3. Изображения мифопоэтических моделей вселенной (а, б) на писаницах Средней Лены [Окладников, Запорожская, 1972], в) С-образные нефриты культуры хуншань и ранние формы китайского иероглифа лун [Алкин, 2003], г) древнекитайские изображения предков Фуси и Нюйва в резьбе эпохи Хань [Юань Кэ, 1987].

на структуру Вселенной. Зооморфный образ Матери-предка переместился на второй уровень графем, верхние части композиций отведены графическому символу Неба-отца. Абрис верховного божества включает такие элементы, как небесный свод (радуга), лучистость (возможный древний символ копытного рогатого промыслового животного), косой крест. По В.И. Иохельсону, в пиктографических женских письмах юкагиров такой крест обычно означает любовь или печаль [Иохельсон, 2005б: 622–623, рис. 71]. Капли «благодатного дождя» являются важными знаковыми составляющими космологических графем, либо они нанесены на скалы хаотично вне композиций.

Многочисленные мазки краски на священных скалах в виде капель, запятых, мелких штрихов или колец (см. рис. 2а), полагаем, объединены общностью происхождения, семантически они читаются как абрис личинки-эмбриона, ниспосланного божеством. Исследования ученых показали, что представления древних о происхождении человека и животного мира были сопряжены не только с мифической Матерью-Зверем, гигантским копытным, но и личинкой-червем. С культом личинки происхождения человека связывали многие народы Северной и Юго-Восточной Азии. Комплекс идентичных воззрений обнаружен у тунгусо-маньчжур, палеоазиатов, алтайцев, сибирских угров, самодийцев, японцев и корейцев. «Оказалось, что с древности в мифопоэтических взглядах на окружающий мир представителей азиатских этнических культур существовала устойчивая семантически замкнутая цепочка понятий: личинка – зародыш – душа» [Алкин, 2003: 135]. В той или иной степени эти воззрения нашли отражение в традиционных народных представлениях, прикладном искусстве, фольклорных текстах. Мифы о червях-личинках носят этиологический характер и отсылают к временам первотворения, тесно переплетаясь с тотемическими зооморфными воззрениями. На древность этой серии фольклорных текстов указывают отсылки к языческим хозяйкам стихий, имеющим материнское начало, тотемным животным. Тема дарующего Неба известна в искусстве народов северной Евразии. Легенды о падающих с неба из «тучи великой» белках и оленятах записаны русским летописцем XI в. от новгородцев, хо-

дивших к Ледовитому океану «за Югру и за Самоядь» [Рыбаков, 1981: 56]. Изображения падающих с неба небольших головок оленей-лосей автор сравнивает с эмбрионами животных [Там же: 57–58].

Самые ранние свидетельства существования культа личинок известны на территории древнего Китая в неолитической культуре *хуншань* (V–III тыс. до н. э.). В погребениях этого времени на груди умерших археологи находят нефритовые скульптурные изображения специфической С-образной формы (рис. 3в). «С-образные артефакты, широко известные в восточноазиатской археологии под обобщающим японским наименованием *магатама*, восходят к стилизованным скульптурным изображениям насекомых в личиночной стадии их метаморфоза. Это позволило сформулировать гипотезу, что носители культуры *хуншань* могли связывать с изображениями личинок свои представления об идее рождения» [Алкин, 2003: 135]. В неолитическое время в Приморье, на севере Дальнего Востока грунтовые погребения мужчин и женщин сопровождались скульптурными изображениями аналогичных специфических форм. Каменные предметы С-образной формы, обнаруженные археологами на севере Дальнего Востока, получили названия «лунницы», «серповидное», «эмбрионовидное изделие», «имеющее змеевидную форму» [Кирьяк, 2003: 79–80, рис. 29, 31]. Четыре изделия С-образной формы, тщательно выполненные из камня, найдены возле левой стопы женщины (возраст до 25 лет) в поздне-неолитическом Родинском захоронении в Нижне-колымском районе РС(Я) [Кистенев, 1980].

В многотысячелетней истории Китая культ личинки имел длительный путь развития. Мифопоэтические «личинки», в инвариантах известные как «червь», «змея», «дракон», на ранних этапах сложения китайского пантеона трансформировались в облики различных божеств. В древнекитайских философских и исторических сочинениях при описании добрых и злых сил Неба и Земли, стран света, созвездий, правителей, мифических героев обычны метафорические сравнения с животными. Дракон и змея – широко растиражированные облики китайских мифических персонажей как положительных, так и отрицательных. Основу иконографии этих звероподобных существ обычно

составляют крупная голова, иногда с чертами антропоморфизма, и змеевидное тело, исходными прообразами которых, можно полагать, послужили ранние изделия *магатама*. Отрицательная коннотация поздних по происхождению образов свидетельствует о размывании ранней семантики личинки, имевшей в древности связь с культом плодородия.

Культовое отношение к червю-зародышу, по видимому, заложено в основании фольклорных образов и иконографии древнекитайских предков, сестры и брата (жены и мужа) Нюйва и Фуси. Архаичные черты первой дуальной пары предков обнаружены в прикладном искусстве древнего Китая (рис. 3г), следы ранней зооморфной стадии различимы в рельефах ханьской эпохи (II в. до н. э. – II/III в. н. э.) [Юань Кэ, 1987].

Иконография первопредков на рис. 3г передана через синкретизм змеевидной личинки с антропо- и орнитоморфными признаками. По видимому, сложению образов прародительницы Нюйва и ее брата/мужа Фуси предшествовала длительная по времени череда мифопоэтических переосмыслений ранних натурфилософских представлений о червях-личинках как подателях жизни [Жукова, 2019]. В итоге метаморфозы образа женского предка завершились тем, что прародительница людей Нюйва заделала многочисленные дыры в небе цветными камнями и они стали называться звездами [Рифтин, 1987: 396].

Образ предка по женской линии в связи с червем-личинкой прослеживается в фольклоре лесных юкагиров. Оборотень Соломина-Червь *Ульэгэраа-Кэлидьэ* (*ульэгэраа* «травяное дерево», «соломина») единственный женский персонаж эпической сказки «Петр Бэрбэкин» [Жукова, Николаева, Демина, 1989: ч. 1, № 31]. Оборотень обитает в нижнем ярусе Нижней земли/Мира теней наряду с Одноглазым Великаном – возможным сказочным эквивалентом мифического Остроголового предка *Йоодичиньул хаха*. Одноглазый Великан называет *Ульэгэраа-Кэлидьэ* своей сестрой, что является отсылкой к мифической дуальной паре сирот-первопредков. Мужской и женский образы предков в сказке о Бэрбэкине имеют хтонический облик и не могут вновь реинкарнировать на Среднюю землю, что предполагает их древний возраст, они уже «заперты» в Мире теней.

Представление о черве как носителе души человека сохранялось до недавнего времени в лечебной магии одулов верхней Колымы. От бесплодия женщины лечились следующим способом: «На высоких деревьях растут иногда целые копны сучьев с одного места, которые образуют веерообразный навес. Нужно подняться на дерево и срубить их, и если в основании их женщина найдет белого червя и съест его, то тогда может получиться внеполовое зачатие и ребенок» [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996: 45]. Выстраивается семантическая цепочка: женщина – дерево – червь – ребенок. В сюжетах мирового фольклора дерево, в особенности Мировое Древо, рассматривается как проводник-посредник небесного дара; у лесных юкагиров дерево (обычно лиственница) ассоциировано с человеком и включено в мифологизированную цепочку реинкарнации души умершего.

Таким образом, искусство неолита и следующих за ним эпох (наскальные рисунки, рельефы на камне, артефакты из захоронений, мифотворчество, обряды и фольклор) обнаруживают в североазиатских культурах наличие двух значимых образов: промыслового копытного животного и личинки-зародыша. Мифопоэтическое сознание древних причисляло каждого к прародителям человека, формировало представления о Матери-Звере и личинке-зародыше.

IV. Обсуждение. Если оставить в стороне мифологическую составляющую, то окажется, что семантические связи лося/олени и личинки-червя находят объяснение в наблюдениях древнего человека за реальными природными процессами, происходившими в окружающем мире. Овод откладывает яйца в шкуру/ноздрих животного, личинки развиваются, дырявят шкуру, падают и появляется взрослая особь насекомого.

Для лучшего понимания этого явления обратимся к материалам охотничьей культуры одулов. В конце XIX – начале XX вв. в годовом календаре зимние месяцы январь и февраль лесные юкагиры соотносили с большой и малой бабочками – разного вида оводами. Об этом странном сочетании исследователь юкагирской культуры В.И. Иохельсон писал: «Здесь имеются в виду личинки двух видов слепней [правильно: оводов. – Л. Ж.], из которых один откладывает свои яйца в шкуру оленя, а другой – в его

ноздрях. В течение зимы яйца превращаются в личинки» [Иохельсон, 2005б: 84–85]. Один вид оводов называется *тодиндъаха* «кусаящий» (от *тодии* «зуб»), другой – *моллэ* (в ином значении *моллэ* «дикий олень»), личинки их называются *кодъэ*. У юкагиров тундры *кодъэ* «червь»; *кодъэ(η)* «общее название разного рода насекомых, личинок, гусениц и т.п.» [Курилов, 2001: 157]. Подкожный и носоглоточный оводы паразитируют на диких животных, слепни – кровососущие насекомые, сходные с мухами и комарами, личинки их выводятся в сырой земле [Брэм, 1992: 261]. На территории современного расселения верхнеколымских юкагиров-охотников на лося энтомологами не засвидетельствован паразитирующий на лосях овод подкожный, а носоглоточный овод встречается крайне редко. Зато, как известно, оводы являются настоящим бедствием для оленьих стад.

Натуралистические наблюдения одулов имеют солидный возраст: естественная природная цепочка с участием копытных и личинок отряда двукрылых, безусловно, сформировалась в древнейший период биоценоза с возникновением семейства этой группы насекомых задолго до появления наблюдательного *homo sapiens*, способного к установлению причинно-следственных связей и их мифологизации. Г.Г. Боесков со ссылкой на ряд исследователей пишет, что лоси (или большой олень) как вид распространены в северном полушарии. На Северо-Востоке Сибири (Колымская низменность) наиболее древние лоси найдены в олерской фауне (примерно 1,2–0,5 млн. лет назад). Не менее древние остатки широколобых лосей найдены на р. Адыча на обнажениях Улахан Суллар и Осхордох, в Северной Америке (бассейн р. Юкон), датируемых ранним плейстоценом [Боесков, 2001: 56]. Численность этого вида копытных животных значительно уступала мамонтовой фауне. Что же касается насекомых, то, по мнению ученых, носоглоточный овод, по-видимому, паразитирует на лосях в Евразии на всем пространстве их ареала: в Калининградской области и Прибалтике, на Урале, в Западной Сибири, Забайкалье, Приморье. Личинки носоглоточных оводов обнаружены у лосей в Южной Якутии, а также у лосей в бассейне р. Омолон (Магаданская область). В некоторых частях Евразии,

преимущественно в ее западных (Прибалтика) и восточных районах (юг Восточной Сибири и Дальнего Востока, Приморье), на лосях паразитируют подкожные оводы. Их личинки локализируются на спине под кожей, где образуют гнойные капсулы. Личинок подкожного овода на лосях на территории Якутии и Магаданской области не обнаружено [Филонов, 1983; Чернявский, Домнич, 1989].

Обнаруживаются различия ареального обитания двух видов оводов на лосях. В современных природно-климатических условиях северной Азии носоглоточный встречается значительно севернее подкожного, следовательно, наблюдения за биологическим циклом двух видов оводов происходили в южных регионах, либо при более мягком климате граница обитания обоих видов могла отодвигаться к северу. По всей вероятности, в северной Евразии на оленях оба вида оводов паразитируют повсеместно, включая тундровую зону, что предполагает сложение мифопоэтического образа Мать-Зверь-олениха в связке с личиночной темой. Приведенный выше нганасанский миф о появлении людей из червей-личинок, вылезших из шкуры гигантской оленихи, иллюстрирует пронесенную через тысячелетия мифологему плейстоценового – раннеголоценового времени. Нельзя исключить того, что вариации «лосиной темы» в рассматриваемой мифологеме существовали у прауральских носителей охотничьей раннеголоценовой сумнагинской археологической культуры, распространившейся на территории Якутии из западного Енисейского региона.

В языческих представлениях лесных юкагиров небо материально и мыслится в виде гигантского конического жилища *нумэ* с покрытием из множества шкур-облаков. В небесном покрытии имеются множественные отверстия, это звезды [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996: 52] (ср. материально плотное небо в представлении древних китайцев, отверстия в котором камнями-звездами заделывала прародительница Нюйва). В прошлом свои летние жилища одулы традиционно покрывали корой лиственницы, дерном, а кожаные покрывки изготавливали из шкур лосей/оленей. Логично предположить, что мифопоэтическому образу неба как жилища, покрытого многими шкурами,

Рис. 4. Лосиная тема в современной культуре лесных юкагиров (кон. XX – нач. XXI вв.): а) лось. Игрушка-мишень. Жесть [Жукова, 2008]; б) охранитель промысла *нумө йэкльиэ йуөйа* [Там же]; в) амулет из копыта лося. Музей музыки и фольклора народов Якутии. Сборы Л.Н. Жуковой; г) охранитель ребенка *уөн йуөйа*. Дерево [Жукова, 2012]

предшествовал ранний зооморфный код, известный народам Сибири, – Мать-Зверь. Из многочисленных отверстий-звезд в небесной шкуре Матери-Зверя на землю падали мелкие частицы *кодьэ/кэлидьэ* «черви-личинки», эмбрионы живых существ, в том числе человека. О соотносительности червей-личинок с небом косвенно сообщает рассказ о кочевке юкагиров весной: «Когда хорошо греть начинается, с неба когда черви падают [курсив наш. – Л. Ж.], тогда рыба удочку хватает» [Иохельсон, 2005а, № 70]. На весеннее время в традиционном календаре народов Восточной Азии выпадает сезон «пробуждения насекомых» [Алкин, 2003: 139].

Мифопоэтическое сознание в поисках ответов на вопрос о появлении животного мира и человека натуралистические наблюдения обрамляло в мифологическую оболочку и в таком виде экстраполировало на причинно-следственные связи. Так, по-видимому, возникла мифологема о происхождении всего живого из мелких частиц – личинок, ниспосылаемых небесным божеством. Полагаем, что у носителей дюктайской (или еще ранее) культуры охотников на плейстоценовых животных, в том числе копытных (бизон, лось, олень, лошадь) мог сформироваться образ Матери-Зверя в контексте с двукрылыми насекомыми. Исторически сложившийся мифопоэтический образ исходящего из отверстий в шкуре зверя богатого «потока» личинок, наиболее ярко запечатленный в неолитических петроглифах, был наивно-рационалистическим объяснением появления человека и животного мира. Обнаруживается один из ис-

токов древних натурфилософских знаний о происхождении человека из личинки-зародыша, также находят объяснение наскальные сюжеты «испрашивания небесной благодати» в виде капель, кружков, штрихов охры.

«Лосиная» тема затухает в искусстве бронзового – раннего железного века вместе с расселением пришлых племен и упадком наскальной живописи, однако она продолжает бытовать в других сферах культуры коренного народа – в промысловой и обрядовой жизни олуков верхней Колымы, фольклоре, запретах и оберегах [Жукова и др., 1989; Иохельсон, 2005а, б; Прокопьева, 2018], пластике малых форм.

В конце XX в. в культурной памяти лесных юкагиров находим следы преемственности неолитических традиций. Детская игрушка-мишень «лось» из жести для стрельбы из лука (рис. 4а) служит раннему приобщению мальчиков к традициям предков. Мишень имеет отношение к промысловой магии. Охотники в случае крайней необходимости (долгое отсутствие добычи) перед промыслом изготавливали плоскостной макет животного и стреляли в него для добывания охотничьей удачи [Жукова, 2008]. Возможно, подобным обрядовым целям служили отдельные изображения лосей на скалах.

К мобильным предметам мелкой пластики относится увенчанный лосиными рогами покровитель промысла. *Нумө йэкльиэ йуөйа* «за домом смотрящий» с антропоморфной личиной и аморфно вырезанными ногами изготовлен из дерева (рис. 4б). Вся поверхность покрыта резными рисунками таежных животных, птиц, орудий охоты. *Нумө йэкльиэ йуөйа* стави-

ли позади дома на охотничьей тропе перед выходом на промысел. По словам мастера В.Г. Шалугина, «за домом смотрящий» приобрел очертания тела и конечностей того животного, на которого намечалась охота [Жукова, 2008]. К амулетам промысловой магии относится тщательно вычищенное копыто лося (рис. 4в).

В культурной памяти одулов фрагментарно сохраняются отдельные древние элементы, так называемые культурные окаменелости. К предметам специфической червеобразной формы относится изделие из дерева, изображающее покровителя ребенка *уөн йуёйа* (рис. 4г). На одном конце короткого столбика (до 15 см) вырезана круглая улыбающаяся голова, другой конец заострен, его втыкают в землю у изголовья ребенка. Заостренный конец изделия имеет семантические связи с остроконечной формой головы, землей и подземным миром предков. В мифопоэтике предок юкагиров обитает в нижнем ярусе подземного мира и именуется *Йоодичиньул хаха* «Дедушка с Остроконечной Головой» [Иохельсон, 2005б: 222]. Умершие предки или убитые люди, собаки, копытные животные изображены в наскальных рисунках Якутии (см. рис. 3а) и пиктографических письмах юкагиров [Иохельсон, 2005б: 614, 623, рис. 69з, 71д] в перевернутом виде с головой, ориентированной вниз. Противоположный конец охранителя круглоголовый, улыбка на лице ребенка говорит о том, что «он сыт, здоров и все у него хорошо». В одульском охранителе *уөн йуёйа* заключена синкретическая определенная связь поколений: круглоголовый – остроголовый, потомок – предок, живой – мертвый, молодой – старый. В абрисе изделия червеобразной формы воплощена идея цикличности и возобновляемости родовых поколений людей, это отсылка к древнему реконструируемому сюжету личинка–душа.

V. Заключение. Присваивающее охотничье-промысловое хозяйство лесных юкагиров сохраняет в культурной памяти многие заархивированные элементы прошлых эпох. Хронологическая глубина их различна. Анализ собранных материалов и ретроспекции в прошлые эпохи позволяют с долей вероятности реконструировать древнейшие мифопоэтические представления о происхождении человека.

Список литературы:

Алкин С.В. Археологические свидетельства существования культа насекомых в неолите Северо-Восточной Азии // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 134–143.

Боесков Г.Г. Систематика и происхождение современных лосей. Новосибирск: Наука, 2001. 120 с.

Боесков Г.Г. Состав териофауны Якутии в позднем плейстоцене и голоцене (по археологическим материалам) // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 27–43.

Брэм А.Э. Жизнь животных. Т. 3: Пресмыкающиеся. Земноводные. Рыбы. Беспозвоночные. М., 1992. 496 с.

Жукова Л.Н. Древнекитайский и юкагирский мифы о сотворении человека: сюжетное и структурное сходство // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 2. С. 28–39.

Жукова Л.Н. Лось в древнем и современном искусстве аборигенов Якутии (этнографический аспект) // Якутский архив. 2008. № 3. С. 97–102.

Жукова Л.Н. Мифы о зооморфном образе Неба и появлении человека в сибирской и древнекитайской традиции // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 2. С. 17–28.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2: Мифологическая модель мира. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.

Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы [Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой]. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.

Кирыак М.А. Древнее искусство севера Дальнего Востока (Каменный век). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 278 с.

Кистенев С.П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. Якутск, 1980. С. 74–87.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск, 1994. 263 с.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.

Народные русские сказки (из сборника А.Н. Афанасьева) [Сост. В.П. Аникин]. М.: Худож. лит., 1983. 319 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Ленинград, 1972. 271 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Петроглифы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 190 с.

Прокопьева П.Е. Устная несказочная традиция юкагиров. Новосибирск: Наука, 2018. 308 с.

Рифтин Б.Л. О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987. С. 378–477.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 311 с.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Изд. 2. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.

Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.

Ушницкая Н.Ю. Лингвокультурный концепт «буга/мир» в языковой картине мира эвенков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 1. С. 107–114.

Филонов К.П. Лось. М.: Лесная промышленность, 1983. 246 с.

Чернявский Ф.Б., Домнич В.И. Лось на Северо-Востоке Сибири. М.: Наука, 1989. 125 с.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987. С. 5–377, 478–527.

Юкагиры: историко-этнографический очерк [Ответственный редактор А.П. Окладников]. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.

Словари:

1. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 607 с.

2. Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). СПб.: Дрофа, 2002. 191 с.

References:

Alkin S.V. Arheologicheskie svidetel'stva sushchestvovaniya kul'ta nasekomykh v neolite Severo-Vostochnoj Azii [Archaeological evidence of the existence of an insect cult in the Neolithic of Northeast Asia]. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoj Azii: Astroarheologiya. Paleoinformatika* [Ancient cultures of Northeast Asia: Astroarchaeology. Paleoinformatics]. Novosibirsk: Science Publ., 2003. Pp. 134–143. (In Russian)

Boeskorov G.G. *Sistematika i proiskhozhdenie sovremennykh losej* [Systematics and origin of modern elks.]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 120 p. (In Russian)

Boeskorov G.G. Sostav teriofauny Yakutii v pozdnem plejstocene i golocene (po arheologicheskim materialam) [Composition of the teriofauna of Yakutia in the Late Pleistocene and Holocene (according to archaeological materials)]. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoj Azii: Astroarheologiya. Paleoinformatika* [Ancient cultures of Northeast Asia: Astroarchaeology. Paleoinformatics]. Novosibirsk: Science Publ., 2003. Pp. 27–43. (In Russian)

Brem A.E. *Zhizn' zhivotnykh* [Animal life]. Volume 3: Reptiles. Amphibians. Fish. Invertebrates. Moscow: TERRA Publ., 1992. 496 p. (In Russian)

Chernyavskij F.B., Domnich V.I. *Los' na Severo-Vostoke Sibiri* [Elk in the North-East of Siberia]. Moscow: Science Publ., 1989. 125 p. (In Russian)

Filonov K.P. *Los'* [Elk]. Moscow: Lesnaya promyshlennost' Publ., 1983. 246 p. (In Russian)

Johel'son V.I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Yukagir language and folklore collected in the Kolyma district]. Yakutsk: Bichik Publ., 2005a. 270 p. (In Russian)

Johel'son V.I. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [Yukagirs and yukagirized Tunguses]. Translate from English V.H. Ivanova i Z.I. Ivanovoj-Unarovoj. Novosibirsk: Science Publ., 2005b. 675 p. (In Russian)

Kir'yak M.A. *Drevnee iskusstvo severa Dal'nego Vostoka (Kamennyj vek)* [Ancient art of the North of the Far East (Stone Age)]. Magadan: North-Eastern Complex Scientific Research Institute named after V.I. ON. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 278 p. (In Russian)

Kistenev S.P. Novye arheologicheskie pamyatniki bassejna Kolymy [New archaeological sites of the Kolyma basin]. *Novoe v arheologii Yakutii* [New in the archeology of Yakutia] Yakutsk, 1980. Pp. 74–87. (In Russian)

Kochmar N.N. *Pisanicy Yakutii* [Petroglyphs of Yakutia]. Novosibirsk, 1994. 263 p. (In Russian)

Kurilov G.N. *Yukagirsko-russkiy slovar'* [Yukaghir-Russian dictionary]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 607 p. (In Russian)

Mazin A.I. *Tradicionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konec XIX – nachalo XX vv.)* [Traditional beliefs and rituals of the Evenks-Orochons (late XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Science Publ., 1984. 200 p. (In Russian)

Narodnye russkie skazki (iz sbornika A.N. Afanas'eva) [Folk Russian fairy tales (from the collection of A. N. Afanasyev)]. Compiled by V. P. Anikin. Moscow: Imaginative literature Publ., 1983. 319 p. (In Russian)

Nikolaeva I.A., Shalugin V.G. *Slovar' yukagirsko-russkij i russko-yukagirskij (verhnekolymskij dialekt)* [Dictionary of Yukagir-Russian and Russian-Yukagir (Verhnekolymsky dialect)]. St. Petersburg: Drofa Publ., 2002. 191 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Petroglify bassejna reki Aldan* [Petroglyphs of the Aldan River basin]. Novosibirsk: Science Publ., 1979. 152 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanicy reki Olekmy i Verhnego Priamur'ya* [Petroglyphs of the Olekma River and the Upper Amur region]. Novosibirsk: Science Publ., 1976. 190 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Srednej Leny* [Petroglyphs of the Middle Lena]. Leningrad: Science Publ., 1972. 271 p. (In Russian)

Prokop'eva P.E. *Ustnaya neskazochnaya tradiciya yukagirov* [The oral untold tradition of the Yukagirs]. Novosibirsk: Science Publ., 2018. 308 p. (In Russian)

Riftin B.L. O kitajskoj mifologii v svyazi s knigoy professora Yuan' Ke [About Chinese mythology in connection with the book of Professor Yuan Ke]. *Yuan' Ke. Mify drevnego Kitaya* [Myths of ancient China]. Moscow, 1987. Pp. 378–477. (In Russian)

Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnih slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow: Science Publ., 1981. 608 p. (In Russian)

Simchenko Yu.B. *Kul'tura ohotnikov na oleney Severnoj Evrazii* [Culture of deer hunters of Northern Eurasia]. Moscow: Science Publ., 1976. 311 p. (In Russian)

Spiridonov N.I. (Teki Odulok). *Oduly (yukagiry) Kolymского округа* [Oduls (yukagirs) of the Kolyma district]. Issue 2. Yakutsk: Severoved Publ., 1996. 80 p. (In Russian)

Tugolukov V.A. *Kto vy, yukagiry?* [Who are you, Yukagirs?]. Moscow: Science Publ., 1979. 152 p. (In Russian)

Ushnickaya N.Yu. Lingvokul'turnyj koncept "buga/mir" v yazykovoj kartine mira evenkov [Linguocultural

concept "buga/world" in the language picture of the world of Evenks]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern humanitarian journal]. 2021. Volume 1. Pp. 107–114. (In Russian)

Yuan' Ke. *Mify drevnego Kitaya* [Myths of ancient China]. Moscow, 1987. Pp. 5–377, 478–527. (In Russian)

Yukagiry: istoriko-etnograficheskij ocherk [Yukagirs: a historical and ethnographic essay]. Responsible editor by A.P. Okladnikov. Novosibirsk: Science Publ., 1975. 244 p. (In Russian)

Zhukova L.N. *Drevnekitajskij i yukagirskij mify o sotvorenii cheloveka: syuzhetnoe i strukturnoe skhodstvo* [Ancient Chinese and Yukaghir myths about the creation of man: plot and structural similarity]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern humanitarian journal]. 2017. Volume 2. Pp. 28–39. (In Russian)

Zhukova L.N. Los' v drevnem i sovremennom iskusstve aborigenov Yakutii (etnograficheskij aspekt) [Elk in the ancient and modern art of the aborigines of Yakutia (ethnographic aspect)]. *Yakutskij arhiv* [Yakut Archive]. 2008. Volume 3. Pp. 97–102. (In Russian)

Zhukova L.N. Mify o zoomorfnom obraze Neba i poyavlenii cheloveka v sibirskoj i drevnekitajskoj tradicii [Myths about the zoomorphic image of the Heaven and the appearance of man in the Siberian and ancient Chinese traditions]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern humanitarian journal]. 2019. Volume 2. Pp. 17–28. (In Russian)

Zhukova L.N. *Ocherki po yukagirskoj kul'ture* [Essays on the Yukaghir culture]. Part 2: The mythological model of the world. Novosibirsk: Science Publ., 2012. 360 p. (In Russian)

Zhukova L.N., Nikolaeva I.A., Demina L.N. *Fol'klor yukagirov verhnjej Kolymy* [Folklore of the Yukagirs of the Upper Kolyma]. Yakutsk: Yakutsk State University Publ., 1989. Part 1. 161 p.; Part 2. 89 p. (In Russian)

L.N. Zhukova

Elk Theme and the Cult of Larvae in the Monumental and Mobile Art of the Yakutia Aborigines

Scientific novelty. The article discusses the most ancient ideas of the Siberian peoples, including the forest Yukagirs, about the mythopoetic images of the Earth and the Heaven in connection with zoomorphic animistic views. *The aim and tasks.* The continuity of the cult attitude of the indigenous peoples of the North to the main commercial ungulate animal from the Upper Paleolithic to the present is assumed. As a hypothesis, it is proposed to consider the cult of the elk/deer on the materials of rock paintings of Yakutia, the traditional culture of the Yukagirs and other indigenous peoples of the North. The aim of the study is to identify a hypothetical semantic chain of concepts, where the cult of ungulates is historically associated with the cult of the larva-worm, identified among the peoples of Northern Eurasia, the Japanese, Koreans, and Chinese.

Materials and Methods. Examples of the hypothetical prolongation of the ideological attitudes of the carriers of the most ancient aboriginal hunting and fishing culture in modern times are given. That the tradition of depicting ungulate animals in rock monumental and modern ceremonial mobile art will continue.

Results. Ungulate elk/deer provided hunting groups with everything they needed, which contributed to the formation of the early pagan image of the Mother-Beast. The zoomorphism of the mythopoetic mother-progenitor extended to the cosmic forces and elements – the Earth and the Heaven. It is assumed that earlier in the cosmogony of the forest Yukagirs of the Upper Kolyma there was a mythopoetic image of Earth/Heaven as like the Mother-Beast-Elk/Deer, and the blessed “larval flow” coming from holes in the skin was a naively rationalistic explanation of the origin of man. Based on the research of scientists that the fishing cult had close ties with the ideas of the zoomorphic appearance of early pagan deities who performed the functions of protodemiurges, the source of ancient natural philosophical knowledge about the origin of man among the hunting tribes of Northeast Asia in connection with the larvae of gadflies that parasitized commercial ungulates is suggested.

Keywords: Siberia, Yakutia, elk cult, larva, anthropogenesis